

Владимир Кожевников

Шоссе 17

Владимир Кожевников

Шоссе 17

<https://litres.ru/74573653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Долорес Мэйфилд, водитель грузовика с тридцатилетним стажем, попадает в снежную бурю на трассе в Северной Дакоте. Она останавливается на придорожной заправке, где застревают несколько случайных путников. Метель отрезает заправку от мира, и вскоре становится ясно, что эта ночь не похожа на другие. На дороге появляется колонна грузовиков без водителей, движущихся на юг. Вскоре выясняется, что за рулём каждого — тот, кто когда-то пропал на этой трассе. Среди них До видит свою дочь, с которой она не разговаривала три года. Чтобы остановить колонну и спасти дочь, До придётся сесть за руль и отправиться в невозможное путешествие.

Содержание

Глава 1. Ледяное молчание	4
Глава 2. Тот, кто слышит	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Кожевников

Шоссе 17

Глава 1. Ледяное молчание

Метель пришла с севера, как армия, которую никто не ждал.

Долорес Мэйфилд увидела её первой — тёмную стену, поднимающуюся над горизонтом, будто кто-то опрокинул чернильницу на белый лист прерии. Она вела свой грузовик-рефрижератор по шоссе 17 уже четыре часа, и до этого момента дорога была пуста, как совесть праведника.

«Вакцины для клиники Святого Иуды», — значилось в накладной. Партия против гриппа H7N9, срочная, оплата двойная. Диспетчер, молодой парень с прыщавым лицом и голосом, который ещё не сломался, сказал: «До, ты же знаешь эту дорогу как свои пять пальцев».

Она знала. Тридцать лет за рулём. Тридцать лет дорог, что вели из ниоткуда в никуда. Тридцать лет между двумя разводами и одной дочерью, которая не звонит.

До включила дальний свет, хотя толку от него было мало — снег уже начинал закручиваться спиралями в жёлтом свете фар. Дворники работали на максимальной скорости, но всё равно не успевали. Мир сжимался, как зрачок перед

ударом.

— Ну давай, детка, — сказала она вслух, привычка, от которой не смогла избавиться за все эти годы одиночества в кабине. — Покажи, на что ты способна.

Грузовик — «Питербилт» 2019 года, красный, с потёртой надписью: «Мэйфилд Логистикс» на борту — гудел ровно, как сердце здорового человека. До купила его три года назад, после второго развода, когда поняла, что больше не хочет делить ни постель, ни руль, ни молчание.

Метель наступала быстро. Слишком быстро.

Радио шипело, ловя обрывки сигналов: «...предупреждение о неблагоприятных... порывы до... закройте окна... не выходите...» До выключила его. Она не нуждалась в предупреждениях. Она чувствовала погоду костями — старыми переломами, которые ныли перед бурей, как старые швы перед дождём.

Справа промелькнул знак: «Заправочная станция — 2 мили». Она взглянула на датчик топлива. Половина бака. Достаточно, чтобы доехать до клиники, но если метель затянется на часы, а дорогу перекроют...

Она вспомнила, как три года назад, в точно такую же ночь, её дочь Эмили ехала по этой дороге. Ехала в никуда — от матери, от себя, от всего, что было слишком тяжёлым, чтобы нести. Они поссорились за неделю до этого. Из-за глупости — из-за того, что До не пришла на выпускной Эмили в колледже, потому что рейс был важнее. «Ты всегда выбираешь

дорогу, мама, — сказала тогда Эмили. — Всегда». И До ответила: «Дорога — это то, что я умею. Это всё, что я умею». Она не позвонила. Не остановила. Не сказала тех слов, которые нужно было сказать.

Эмили так и не доехала.

До сбросила скорость и повернула к съезду. Решение пришло инстинктивно, как всё важное в её жизни.

Заправочная станция «Последний шанс» возникла из белой мглы, как мираж: неоновый указатель мигал, издавая слабое жужжание, которое терялось в вое ветра. До припарковала грузовик у крайней колонки, выключила двигатель и некоторое время сидела неподвижно, слушая, как металл остывает, потрескивая.

Внутри станции горел свет.

Через стеклянные двери она разглядела несколько силуэтов. Значит, не одна она решила переждать.

До натянула капюшон, взяла термос и выбралась наружу.

Ветер ударил в лицо, как пощёчина. Снег забивался за воротник, лез в глаза, в нос, в рот. Она шла, наклонившись вперёд, как против течения, и считала шаги — двенадцать до двери.

Колокольчик над входом звякнул, когда она вошла.

Внутри пахло кофе, горячим пластиком и мокрой шерстью. Свет флуоресцентных ламп резал глаза после темноты. За стойкой никого не было — видимо, кассир ушёл в подсобку или его вообще не было.

До осмотралась.

У окна, на пластиковых стульях, сидела молодая пара. Женщина — бледная, с туго затянутым хвостом тёмных волос, в пуховике не по размеру — держала на руках ребёнка, завернутого в одеяло. Мужчина — худой, в чёрном пальто поверх свитера с воротником, — смотрел в никуда, сцепив руки на коленях. На его лице застыло выражение, которое До видела у людей перед похоронами: смесь растерянности и вины.

Пастор. Она поняла это сразу — по манере держать плечи, по тому, как он время от времени касался груди, будто проверяя, на месте ли крест под слоями одежды.

Рядом с ними, у автомата с кофе, стояли двое: мужчина лет сорока с щетиной и усталыми глазами и женщина примерно того же возраста, в дорогом пуховике и с идеальным макияжем, который не мог скрыть отёчность под глазами. Они не разговаривали. Не смотрели друг на друга. Между ними было пространство, наэлектризованное старыми обидами.

А в дальнем углу, у окна с видом на парковку, сидел старик.

До заметила его не сразу — он был похож на мебель, на часть интерьера, на что-то, что здесь было всегда. Худой, сгорбленный, в потёртой кожаной куртке и вязаной шапке, он сидел неподвижно, глядя на улицу. Перед ним стоял остывший кофе в картонном стакане.

Он не пил его.

До подошла к кофейному автомату, налила себе горячей воды из термоса — не доверяла она этой машине — и села на стул в центре зала, лицом ко всем.

— Добрый вечер, — сказала она. Голос прозвучал громче, чем она ожидала.

Пастор вздрогнул, поднял на неё глаза.

— Добрый... — отозвался он неуверенно. — Вы тоже застряли?

— Похоже на то. — До отхлебнула из термоса. — Дорогу замело?

— Мы не знаем, — ответила женщина с ребёнком. Голос у неё был тихий, но твёрдый. — Мы приехали час назад. С тех пор... — она кивнула на окно, — только хуже.

— Северная Дакота, — пожала плечами До. — Тут всегда так.

Мужчина с щетиной хмыкнул, но не повернулся. Женщина рядом с ним — его жена, предположила До, или бывшая жена, или кто-то, с кем он делил что-то, что теперь стало пеплом, — бросила на него быстрый взгляд и снова отвернулась.

Тишина вернулась.

Снег бил в окна, как стая белых мотыльков, пытающихся прорваться внутрь. Ветер выл в вентиляционных трубах, и от этого воя хотелось закрыть уши, забиться в угол, исчезнуть.

До допила воду и встала.

— Есть здесь кто-нибудь из персонала? — спросила она.

— Никого, — ответил пастор. — Мы приехали, дверь была открыта, свет горел. Но людей нет.

— Странно.

— Да. — Он помолчал. — Я думал, может, они уехали до бури. Или...

— Или что?

— Или что-то случилось.

До посмотрела на старика в углу. Он не двигался. Его глаза были прикованы к чему-то за окном — к чему-то, что До не могла разглядеть.

— Эй, — окликнула она его. — Вы меня слышите?

Старик медленно повернул голову. Его глаза были бледно-голубыми, почти прозрачными, как лёд.

— Слышу, — сказал он. Голос был скрипучим, как несмазанная дверь. — Я всегда слышу.

— Вы давно здесь?

— Дольше, чем вы думаете.

Это прозвучало как загадка, и До не любила загадки. Она хотела спросить ещё что-то, но в этот момент свет мигнул.

Один раз.

Два.

А потом погас.

Тьма была абсолютной. На секунду До показалось, что она ослепла — так резко исчез мир. Потом глаза начали привыкать, и она различила смутные силуэты: пастор прижал к се-

бе жену и ребёнка, пара у автомата замерла, старик в углу не двинулся вовсе.

— У кого-нибудь есть фонарик? — спросила До, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— У меня, — отозвался пастор. Послышался шорох, потом щелчок, и узкий луч света прорезал темноту.

— Телефон? — спросила женщина с ребёнком.

До достала свой, но экран, хотя и загорелся, не показывал ни одной полоски сигнала.

— Связи нет, — сказала она.

— У меня тоже, — подтвердил пастор. — И у Дженны.

— И у нас, — тихо добавила женщина из пары.

До подошла к окну. Снег продолжал валить, но в темноте она с трудом различала собственный грузовик. Он стоял, огромный и красный, но казался чужим, незнакомым, будто она видела его впервые.

А потом она увидела огни.

Далеко, на дороге, откуда она приехала, медленно двигались точки света. Фары. Много фар.

— Кто-то едет, — сказала она.

Пастор подошёл к ней, направил луч фонарика на дорогу.

— Это... грузовики? — спросил он неуверенно.

— Похоже на то.

Колонна двигалась медленно, очень медленно, со скоростью похоронной процессии. Фары мигали в метели, как глаза огромного существа, ползущего по прерии.

А потом один из грузовиков замедлился.

Почти остановился.

До затаила дыхание. Ей показалось, что она увидела за стеклом кабины силуэт водителя — неподвижный, слишком неподвижный для живого человека. Голова склонена набок, руки на руле, но не двигаются. Не поворачивают. Не живут.

Грузовик снова набрал скорость и исчез в метели.

— Они должны остановиться, — сказал пастор. — Там же заправка, они должны...

Но грузовики не останавливались.

Они проехали мимо съезда, не сбавляя скорости, и продолжили движение на юг. До проводила их взглядом, чувствуя, как что-то холодное, не связанное с погодой, заползает ей под кожу.

— Это странно, — сказала она.

— Что именно? — спросил пастор.

— Я знаю эту дорогу тридцать лет. — Она не отрывала глаз от удаляющихся огней. — Здесь никогда не ходит колонна. Никогда. Особенно ночью, особенно в метель.

— Может, военные?

— Может быть.

Но она не верила в это.

Она вернулась к своему стулу и села, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. Тридцать лет за рулём. Тридцать лет одиночества. И вот теперь она застряла на заправке посреди нигде, с незнакомцами, которые смотрели друг на

друга, как волки в клетке.

— Нам нужно оставаться вместе, — сказала она. — Пока не рассветёт.

— А если не рассветёт? — спросила женщина из пары. В её голосе была горечь, которую До узнала — горечь человека, который давно потерял веру в хорошие концы.

— Рассветёт, — ответила До. — Всегда рассветает.

Она не была уверена, что верит в это.

Старик в углу тихо засмеялся.

Глава 2. Тот, кто слышит

Тьма на заправке «Последний шанс» была плотной, как вода в лёгких.

До чувствовала это кожей — так же, как чувствовала приближение бури. Тьма имела вес. Она давила на плечи, заползала в лёгкие, оседала на языке привкусом ржавчины.

— Так, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим. — Никто не паникует. У кого-нибудь есть зажигалка?

— У меня, — отозвался мужчина с щетиной. Его голос шёл из темноты слева, и До вздрогнула — она успела забыть о нём. Послышался щелчок, потом ещё один, и маленький огонёк вспыхнул, осветив лицо с резкими скулами и глаза, в которых застыла усталость человека, давно переставшего ждать чего-то хорошего.

— Держи, — сказал он, протягивая зажигалку.

— Оставь себе, — ответила До. — Просто не гаси.

Она достала телефон и включила фонарик. Луч света заметался по помещению, выхватывая из темноты предметы: стеллажи с чипсами и шоколадками, кофейный автомат, холодильник с напитками — всё это казалось декорациями, бутафорией, за которой скрывалась пустота.

Пастор — его звали, как выяснилось позже, Томас, — держал фонарик дрожащей рукой. Жена прижимала к себе ре-

бёнка, который, к счастью, спал. Женщина из пары — её имя До узнала только через час, и это было «Маргарет» — стояла у стены, скрестив руки на груди, и смотрела в сторону выхода.

Старик в углу не двигался.

— Нам нужно найти генератор, — сказала До. — Или хотя бы свечи. Где-то здесь должны быть свечи.

— Я проверю подсобку, — вызвался Томас.

— Нет, — резко сказала До. — Никто не ходит по одному. Это первое правило.

— Какое правило? — спросила Маргарет с горечью. — Мы что, в фильме ужасов?

— Мы на трассе 17 в Северной Дакоте в метель без связи и электричества, — ответила До. — Это хуже, чем фильм ужасов. Это реальность.

Маргарет замолчала.

До подошла к стойке, за которой никого не было, и по-светила за неё. На полу лежал журнал регистрации — толстая тетрадь в кожаном переплёте, исписанная торопливым почерком. Она открыла последнюю страницу.

Последняя запись была сделана сегодня. Время — 19:47. Имя — «Дж. Харрис». Подпись — размашистая, почти неразборчивая.

А ниже, под этой записью, чьей-то другой рукой было написано одно слово:

«Бегите».

До захлопнула тетрадь.

— Что там? — спросил Томас.

— Ничего, — сказала она. — Старые записи.

Она не знала, почему соврала. Может быть, потому что не хотела пугать остальных. А может быть, потому что сама не хотела верить в то, что увидела.

Старик в углу тихо засмеялся.

— Вы нашли журнал, — сказал он. Это не было вопросом.

До повернулась к нему. Луч фонарика выхватил из темноты его лицо — морщинистое, как старая карта, с глазами цвета льда.

— Вы знали о нём?

— Я знаю всё об этом месте, — ответил старик. — Я здесь дольше, чем вы можете себе представить.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Генри. Генри Уолш. — Он помолчал. — Я был водителем. Как и вы.

До почувствовала, как что-то холодное скользнуло по позвоночнику.

— Давно?

— Достаточно давно, чтобы забыть, как выглядит мой дом. — Генри улыбнулся, но улыбка была невесёлой. — Но недостаточно давно, чтобы забыть, что я сделал.

— Что вы сделали?

— Я ушёл. — Он снова замолчал, глядя в окно, за которым продолжала бушевать метель. — Я был в колонне. Я вёл

свой грузовик вместе с остальными. А потом... потом я остановился. И вышел. И больше не вернулся.

— Какая колонна? — спросил Томас, подходя ближе. — О чём вы говорите?

Генри не ответил. Он смотрел на дорогу, и в его глазах было что-то, от чего До захотелось отступить на шаг.

— Они идут, — сказал он наконец. — Они всегда идут. За теми, кто двигается. За теми, кто пытается уйти. За теми, кто не может остановиться.

— Кто «они»? — настаивал Томас.

— Грузовики. — Генри повернул голову и посмотрел прямо на пастора. — Вы видели их. Колонна. Она прошла мимо, но она вернётся. Она всегда возвращается.

— Это бред, — сказала Маргарет. — Это просто старик, который сошёл с ума от одиночества.

— Может быть, — согласился Генри. — А может быть, я единственный здесь, кто понимает, что происходит.

До молчала. Она вспомнила грузовик, который замедлился. Силуэт водителя за стеклом — неподвижный, слишком неподвижный. Голова склонена набок. Руки на руле. Не двигаются.

— Расскажите мне о колонне, — сказала она.

Генри посмотрел на неё долгим взглядом.

— Вы уверены, что хотите знать?

— Я тридцать лет вожу грузовик. Я видела всё, что можно увидеть на дороге. — До скрестила руки на груди. — Так что

да. Я уверена.

Генри кивнул.

— Хорошо. — Он выпрямился на стуле, и в его голосе появилась странная торжественность. — Но сначала вы должны понять одну вещь. Колонна — это не просто грузовики. Это люди. Точнее, то, что от них осталось.

— Мёртвые? — спросил Томас.

— Не совсем. — Генри покачал головой. — Мёртвые — это те, кто умер. А те, кто в колонне... они застряли между жизнью и смертью, между памятью и забвением. Они ведут свои грузовики вечно, потому что не могут остановиться. Потому что остановиться — значит вспомнить. А вспоминать — больно.

До почувствовала, как горло сжимается.

— Кто они?

— Те, кто пропал на этой трассе. — Генри обвёл взглядом помещение. — Водители, которые не доехали. Путешественники, которые свернули не туда. Люди, которые бежали от чего-то и не смогли убежать достаточно далеко. — Он снова посмотрел на До. — Люди, которые что-то не сказали. Кому-то важному. И теперь они говорят это вечно, но их никто не слышит.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, как мокрый снег.

— Это... это невозможно, — сказал Томас. — Мёртвые не могут водить грузовики.

— А вы уверены? — Генри улыбнулся. — Вы уверены,

что видели всё? Вы — пастор. Вы должны верить в чудеса.

— Чудеса — это другое.

— Да. — Генри кивнул. — Чудеса — это когда что-то хорошее случается вопреки всему. А это... — он махнул рукой в сторону окна, — это не чудо. Это наказание.

До хотела спросить ещё что-то, но в этот момент ребёнок заплакал.

Женщина — Дженна — начала укачивать его, шепча что-то успокаивающее. Томас подошёл к ней, положил руку на плечо. До смотрела на них и чувствовала странную тоску — тоску по чему-то, что она потеряла много лет назад.

— Нам нужно уходить, — сказал Томас, повернувшись к остальным. — Если то, что говорит Генри, правда, мы не можем оставаться здесь.

— Идти куда? — спросила Маргарет.

— К следующему городу. Он в двадцати милях отсюда. Если мы пойдём прямо сейчас, к утру будем там.

— В метель? — До покачала головой. — Вы с ума сошли. Мы замёрзнем через милю.

— У нас есть одежда. Мы можем взять одеяла из машины.

— Вы не понимаете. — До подошла к нему вплотную. — Я знаю эту дорогу. Я знаю, что происходит, когда люди пытаются идти в метель. Они не доходят. Их находят весной, когда снег тает. Если находят вообще.

— Но оставаться здесь — это смерть, — настаивал Томас. — Вы слышали, что он сказал. Колонна вернётся.

— Он старик, который сидит на заправке уже Бог знает сколько времени, — сказала Маргарет. — Может, он просто сумасшедший.

— Может быть, — сказала До. — А может быть, он единственный, кто говорит правду.

Она посмотрела на Генри. Тот снова смотрел в окно. Его губы шевелились, будто он что-то шептал.

— Генри, — окликнула она его. — Вы сказали, что были в колонне. Как вы оттуда вышли?

Старик не ответил.

— Генри!

Он медленно повернул голову. В его глазах было что-то, от чего у До пересохло во рту.

— Я не выходил, — сказал он. — Я сбежал. Это разные вещи.

— В чём разница?

— В том, что они помнят. — Генри снова улыбнулся, и улыбка была страшной — не злой, а пустой, как будто за ней ничего не было. — Они всегда помнят тех, кто сбежал. И они всегда приходят за ними.

— Значит, они придут за вами?

— Они уже здесь. — Генри кивнул на окно. — Колонна прошла мимо, но она вернётся. Она всегда возвращается. И тогда... — он замолчал.

— Что тогда?

— Тогда мне придётся решить. — Генри закрыл глаза. —

Снова.

До хотела спросить, что он имеет в виду, но в этот момент свет снова мигнул.

Все замерли.

Лампы дневного света загорелись — ярко, болезненно ярко, — и До зажмурилась. Когда она открыла глаза, всё было как прежде: стеллажи, автомат с кофе, холодильник. Только старик в углу больше не сидел.

Он стоял у окна, прижавшись лицом к стеклу.

— Они возвращаются, — сказал он.

До бросилась к окну.

На дороге, далеко, но ближе, чем в прошлый раз, двигались огни. Фары. Много фар. Колонна.

Она шла на север.

Прямо к заправке.

— Всем оставаться внутри, — приказала До. — Не выходить. Не открывать двери. Понятно?

— Что происходит? — спросила Дженна. Ребёнок снова заплакал.

— Пока не знаю. Но что бы ни случилось, не выходите.

Колонна приближалась. Медленно, неотвратно, как прилив. До видела, как грузовики выныривают из метели — один за другим, тёмные силуэты с горящими фарами. Они не сворачивали. Они ехали прямо на заправку.

И тогда До услышала звук.

Не гул двигателей. Не скрежет металла. Что-то другое. Ти-

хий, почти нежный звон, как будто где-то далеко играла музыкальная шкатулка. Мелодия была знакомой — До слышала её раньше, но не могла вспомнить где. Может быть, в детстве. Может быть, во сне.

— Что это? — прошептала Дженна.

— Я не знаю, — ответила До.

Генри у окна тихо засмеялся.

— Это память, — сказал он. — Они везут свою память. Каждый грузовик — это чья-то жизнь, которая не закончилась. Чья-то история, которую не рассказали.

Первый грузовик поравнялся с заправкой.

До увидела его кабину — огромную, чёрную, покрытую слоем льда. За стеклом сидел водитель. Мужчина. Голова склонена набок. Глаза открыты.

Он смотрел прямо на неё.

Грузовик не остановился. Он проехал мимо, медленно, величественно, как корабль, скользящий по волнам. Следующий грузовик последовал за ним. Потом ещё один. И ещё.

До стояла у окна, не в силах отвести взгляд. Она видела лица водителей — бледные, застывшие, с глазами, которые не моргали. Некоторые были старыми, некоторые молодыми. Некоторые — совсем детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.